духу тех времен, из которых взята басня».[35] Ученик Хераскова не решился довести до конца свою справедливую мысль и вернулся к ней в 1802 г. в статье о Сумарокове. Признавая право создателя русского театра на благодарность потомства, Карамзин подробно перечисляет недостатки сумароковской драматургии: «В трагедиях своих он старался более описывать чувства, нежели представлять характеры в их эстетической и нравственной истине; не искал чрезвычайных положений и великих предметов для трагической живописи, но... основывал драму всегда на самом обыкновенном и простом действии... и, называя героев своих именами древних князей русских, не думал соображать свойства, дела и язык их с характером времени».[36]

Карамзин судит произведения основоположника русской классической драматургии с иных позиций, нежели они писались, но в его словах много важного и значительного. Противопоставление свойственного классицизму описания чувств — характерам в их «эстетической и нравственной истине», интерес к «чрезвычайным положениям и великим предметам» повторяет статьи о Шекспире и Лессинге. Требование соответствия дел, качеств характера и языка персонажа исторической эпохе, «характеру времени» — один из основных принципов реалистического искусства, живой и поныне.

Карамзин напоминает, что драматическое произведение живет на сцене и от пьесы зависит манера игры актера. Не было бы в Германии хороших актеров, говорит он, если бы не было «Лессинга, Гете, Шиллера и других драматических авторов, которые с такою живостью представляют в драмах своих человека, каков он есть, отвергая все излишние украшения или французские румяны, которые человеку с естественным вкусом не могут быть приятны» (2, 114).

Постановка проблемы характера, совет, чтоб драматурги раскрывали его не через монологи, а через поступки, действия, чтобы они создавали ситуации, помогающие раскрытию характера в определенных обстоятельствах, требование изображения человека без излишних украшений, «каков он есть», желание сосредоточить внимание на соответствии характера эпохе, обстоятельствам, требование индивидуализации языка — все это как будто бы ведет к созданию реалистической эстетики. Но помимо этики всепрощения на пути Карамзина становится представление о характере как «случайной форме проявления темперамента» (3, 214) и вытекающее отсюда убеждение, что характер не изменяется от колыбели до могилы. Наиболее прямое художественное воплощение эти мысли получили в повести «Чувствительный и холодный». И даже в написанной с явной ориентировкой на Шекспира

---

[35] «Московский журнал», 1791, ч. I, стр. 98—99.
[36] Карамзин, Сочинения, т. 7, 1820, стр. 316—317.